

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ" Из новой книги

Первый бургомистр

Этого одессита как будто не вполне корректно именовать забытым. Во всяком случае, о попечителе переселявшихся в только что народившуюся Одессу средиземноморских выходцев Кесоглу (Кес-Оглу, Кесогло) периодически упоминают специалисты и дилетанты, часто негативно. В последнее время тиражируются небылицы, изобилующие курьезами и анахронизмами, — к примеру, о том, что его будто бы насильно обратили в мусульманство или, скажем, что он намеревался наладить в Одессе чеканку фальшивой турецкой монеты, участвовал в небезызвестной отprawке императору Павлу 3.000 померанцев и проч.

Можно, конечно, скептически рассмеяться. Скажем, апельсины отправлены к высочайшему двору 8 февраля 1800 года, а наш попечитель ушел из жизни 6 января 1799-го. Чего уж говорить о чеканке монеты там, где еще не было возможности изготовить даже обыкновенный гвоздь. Вероятно, метафора о юной Одессе как о некоей пиратской гавани связана с прежним участием многих из первых поселенцев в морских авантюрах небезызвестного греческого повстанца-корсара Ламброса Качониса и ему подобных, базированием здесь греческого флота и т. п. Относительно же обращения в магометанскую веру ситуация и вовсе анекдотическая: Кесоглу многие годы хорошо знала не только греческая элита из константинопольских фанариотов, Архипелага, Молдавии и Валахии, но и высшие российские чиновники, включая видных дипломатов. Ему доверяли сама императрица, сам граф Зубов. Он состоял в российской службе, имея далеко не последний чин VIII класса, а затем был поощрен VII-м (под конец жизни, возможно, и VI-м, так как в отдельных случаях его называют полковником, а вдову полковницей). Нас что же, хотят уверить в том, что ответственнейшую задачу переселения единоверцев поручили сомнительному прозелиту? Курьез, да и только. Возможно, не обремененных знаниями комментаторов смущает фамилия на тюркский лад, однако подобные фамилии турецко-подданных греков, в том числе многих одесситов, вовсе не редкость — Арабоглу, Кальфогло, Папудогло, Спирогло, Чорбаджогло и т. п.

Уточняя: до сих пор я не встречал ни единой публикации, в которой было бы приведено хотя бы полное имя Кесоглу, не говоря уже о внятных сведениях, касающихся его семейства, родственного окружения, недвижимости и проч.

Афанасий Васильевич Кесоглу в самом деле свидетель и участник основания Одессы, в сентябре 1794 года он получил два участка на Греческом форштате под застройку непосредственно из рук де Рибаса и де Волана. Именным указом от 19 апреля 1795 года графу Платону Зубову императрица определила регламент обустройства в Одессе и ее окрестностях единоверных народов. В этом документе упоминаются не только непосредственные участники боевых действий на стороне России, но в целом греки и арнауты, желающие сюда переселяться. Предусматривались следующие поощрительные меры: предоставление временного жилья с возможностью его дальнейшего необременительного поэтапного выкупа в собственность, единовременная ссуда на переезд, водворение, обзаведение, погашаемая в рассрочку по прошествии 10-ти лет, безвозмездное пособие на сооружение церкви, беспошлинный ввоз собственного имущества и определенного количества товара на продажу, 25-процентная скидка на товары сверх назначенной меры, освобождение от службы и налогов на 10 лет, а от постоев — навсегда. Для реализации этой задачи предусматривалось содействие авторитетного предводителя по примеру российских дворянских предводителей, который, кроме всего прочего, мог бы легитимно представлять всех переселенцев в разного рода контактах и переговорах с правительством и местным начальством.

И далее: "Звание сие преимущественно принадлежит коллежскому ассессору Кес-Оглу, по уважению его и доверенности в нации греческой, наипаче же, что и самый вывоз переселенцев сих чрез него происходить будет, а потому не благоугодно ли его в оном признать, с награждением за прежнюю его ревностную и усердную службу, многими опытами и жертвованиями оказанную, и в одобрении в настоящем употреблении чина подполковника, и с пожалованием ему в знак особливового благоволения золотой медали". Когда же переселенцы водворятся, и число их преумножится, говорится в указе, пусть сами выбирают попечителя из своей среды или из российских почетных граждан на каждое трехлетие.

Назначение и заявленная репутация Кесоглу по некоторым данным расходятся с практикой его дальнейшей деятельности. Ясно, что в свое время он играл серьезную роль при российских дипломатических миссиях в Константинополе, где, вероятно, и познакомился с будущим мужем

своей старшей дочери, генералом Попандопуло. С другой стороны, многолетняя стамбульская выучка не прошла для него даром: взяточничество турецкой администрации — притча во языцех. Известно, например, что окружение султанов питало невероятную слабость к дорогим безделушкам вроде усыпанных драгоценностями шкатулок, табакерок и т. п. Традиционно привечаемые здесь французские аристократы доверительно советовали дипломатам других стран "решать вопросы" посредством оговоренных презентов. Та же порочная система процветала в окружении Потемкина и других фаворитов, нередко пригревавших разного рода авантюристов. Уместно ли относить Кесоглу к категории последних? Попробуем разобраться.

Ссылаясь на архивные документы, историк А. Орлов в свое время многое сообщал о его финансовых злоупотреблениях или, по крайней мере, о таких финансовых операциях, которые представляются жульническими махинациями. Так, попечитель вместо наличных выдавал переселенцам на домостроительство и обзаведение строительные материалы и инструменты, получая от них фиктивные расписки за якобы полученные деньги, поселял в специально построенных для средиземноморских переселенцев домах и других явившихся в нарождающийся город искателей счастья, задолжал казне солидную сумму за 200 пар волов и повозок, закупленных для обслуживания работ в порту и крепости, за казенный лес. Даже супруга греческого попечителя фигурирует в одном из этих сюжетов как довольно ловкий прораб: когда Кесоглу за казенный счет соорудил хлебопекарню, и надобность в оной отпала, Кассандра Ивановна велела разобрать это сооружение с целью получения крайне дефицитного в ту пору леса. Мало того, сама пекарня была построена попечителем недобросовестно, а продукция ее использовалась не вполне по назначению — для рабочих, занятых в портовом строительстве, а не для всех горожан. Кесоглу не доплатил небольшую сумму жалованья так называемому Греческому дивизиону, не довел до конца сооружение греческого храма. Претензии можно продолжать. После кончины подполковника выяснилось, что формально общая его задолженность казне составляет огромную по тем временам сумму 19.300 рублей. По этой причине 29 ноября 1799 года был наложен секвестр на его имение в Тираспольском уезде.

Все это внешняя сторона: подобные же обвинения неоднократно адресованы и де Рибасу. К слову, первые биографы Одессы, А.А. Скальковский и К.Н. Смольянинов, ни разу не обмолвились по этому поводу. Разумеется, доля истины в финансовых претензиях к основателям города есть,

оборотистый Кесоглу не мог не искать личной выгоды в проекте, именуемом Одесса, но не до такой же степени, чтобы практически все без исключения подконтрольные казенные суммы бесцеремонно и безбоязненно класть в собственный карман. И если хорошенько приглядеться к деталям, то ситуация в какой-то мере прояснится.

Скажем, Кесоглу выдавал переселенцам не только казенные, но и собственные материалы, инструменты и товары, — естественно, получая в этом случае выгоду, но лишь хорошие проценты. И вообще, обращаясь к личностям ряда благодетельствованных им переселенцев, например, получивших деньги на устройство двух макаронных фабрик, одной шелковой и др., испытываешь подозрение, что здесь имел место взаимовыгодный сговор. Обратите внимание, скажем, на выплату по 1.500 рублей полковнику Ивану де Пеллигрини, флотскому майору Константину Бицилли, капитану Дмитрию Фотаки, или 700 рублей прапорщику Николаю Попандопуло. Корректно ли вообще считать нуждающимися переселенцами этих много лет состоявших на российской службе офицеров, сподвижников де Рибаса, занимавших в Одессе довольно высокое положение? Как на мой взгляд, так это было даже справедливо: помочь достойным соотечественникам, не нажившим в боевой и кочевой службе России ничего, кроме ран.

Вот и выходит, что греческий попечитель фактически распределял казенные средства меж своими, то есть и ответственность тут должна бы быть коллективной. Да, Кесоглу селил в казенных строениях не только греков и арнаутов, но, по свидетельству самого А. Орлова, несмотря на это, даже в конце 1796 года несколько домов оставались незанятыми. А ведь именно по этой причине пустовавшие строения просто-напросто растаскивались на дрова. Вот и нечего им было простаивать вхолостую. Далее, храм Кесоглу действительно не достроил, но, во-первых, получил из полагавшихся по этой статье 2.000 рублей только 500, а во-вторых, обустроил рядом временный моленный дом. Кроме того, ведь и все другие храмы тогда не были достроены из-за приостановки финансирования. На пекарне он, безусловно, сэкономил, однако лишь часть расчетной сметной стоимости.

Впрочем, все это можно рассматривать еще и в другом ракурсе, если принять во внимание обстоятельства, в которые вписаны означенные хищения, или скорее приписки. Прежде всего, как мы видели, значительная часть доверенных греческому попечителю казенных денег раздавалась в поддержку малоимущих сподвижников де Рибаса. Дальней-

ший несчастливый для Одессы ход событий и вовсе привел к тому, что Кесоглу, совершенно очевидно, пришлось изрядно подмазывать высокопоставленных чиновников, открывая по этому поводу как собственный кошелек, так и развязывая мощну состоятельных горожан, в первую очередь, греческих негоциантов. Прибыль от незаконных финансовых операций 1795-1796 годов, таким образом, оказалась незначительной по сравнению с потерями в период упадка города после кончины Екатерины и воцарения Павла.

Можно себе представить, во сколько обошлось, например, устройство и дальнейшая эволюция Иностранного магистрата — по существу, первого полноценного института городского общественного самоуправления. В 1797 году Кесоглу провел перепись иностранцам, изъявившим желание водвориться в Одессе, в большинстве грекам, и представил новороссийскому гражданскому губернатору, статскому советнику Ивану Яковлевичу Селецкому. Аргументы греческого попечителя были настолько убедительны, что 20 сентября того же года Селецкий в Одессе дал Кесоглу предписание об избрании членов Магистрата. Уже через три дня избранные были приведены к присяге в молитвенном доме возле строившейся на Арнаутской слободке церкви Святой Троицы и Спиридона Тримифутского. Формировался Магистрат по образцу рижского и ревельского. Собственно, это была Одесская городская магистратская коллегия, состоявшая из семи департаментов: городского сиротского суда, городского нижнего суда, коммерческого городского суда, словесного суда, комиссии российской торговли, общего городского управления (городской канцелярии) и казначейства. Передача управленческих полномочий в руки уроженцев Леванта была не только справедливой, но и целесообразной, ибо только с их заинтересованной помощью юная Одесса могла реализовать отведенную ей роль южных ворот империи. Кроме того, капиталы российских купцов и сама их численность в городе в ту пору были еще малы.

Впрочем, после открытия Иностранного магистрата возникла некая двусмысленная ситуация: в предписании Селецкого ничего не говорилось о судьбе предшествовавшего ему Российского, да этого и не могло быть, поскольку ликвидация этой институции не входила в полномочия губернатора. Тогда Кесоглу как первый (главный) из четырех избранных магистратских бургомистров развернул кампанию за упразднение этой структуры и передачу всех ее полномочий Иностранному магистрату. Здесь еще раз стоит обратить внимание читателя на этнический и социальный состав магистратской коллегии: вторым бургомистром избра-

ли, например, весьма авторитетного греческого негодантa Ивана Дестуни, третьим — немца Гаспара Готлиба Шейбеля, синдиком (судьей) — небызвестного Виктора Поджио, итальянца, впоследствии строителя Городского театра и Городского госпиталя, отца двух декабристов, в числе ратманов (членов магистрата) мы находим будущего попечителя католического храма, поручика итальянского происхождения Сильвестра Дель Сасо, откупщика мер и весов грека Ивана Беломорского (Беломорьем именовали Средиземное море), выкреста из Германии, купца Симона Стифеля, впоследствии поставщика императорского двора, отставного прапорщика и предпринимателя Константина Маврокордато, к слову, тоже в два приема получившего от Кесоглу немалую казенную сумму на строительство дома и фабрики.

"Русская партия" в лице купцов Мигунова, Лифинцова и Сулова, разумеется, не желала смириться с таким положением вещей, причем была поддержана полицмейстером (фактически — градоначальником) секунд-майором Григорием Кирьяковым. Тем не менее, Селецкий, обратившись с соответствующим представлением на высочайшее имя, небезосновательно принял сторону "иностранцев", Кесоглу же параллельно подал аналогичное прошение посредством покровительствовавших ему высокопоставленных лиц. С этой целью первый бургомистр специально предпринял вояж в столицу, как говорится, нажал там на все педали. Опять-таки, можно лишь предполагать, во что обошлась эта более чем разорительная поездка ему и его одесским партнерам. В результате указом от 26 января 1798 года император Павел упразднил Российский магистрат, а состоящих в нем купцов и мещан подчинил Иностранному.

Итак, Кесоглу формально сумел сосредоточить в своих руках городское самоуправление, но, как выяснилось, не располагал ресурсами, необходимыми для осуществления одесского проекта. Прежде всего, город не имел необходимой для нормального функционирования инфраструктуры: финансирование устройства гавани, казенных зданий, сооружений, храмов и др. свернулось еще в конце 1796-го, поступления в городской бюджет были ничтожны, а потому невозможно было даже минимально благоустраивать городские территории, строить мосты, копать колодцы, устилать щебнем улицы. Неопределенными оставались многие законодательные вопросы, связанные, например, с налогообложением тех же иностранных переселенцев и др., законодательная база "ганзейского города" не вписывалась в региональную, многие вопросы в этом смысле оставались неурегулированными. Кесоглу и горожане отдавали себе отчет в том,

что судьба Одессы туманна, целиком зависит от случая — каприза монарха или сановника-временщика.

И тогда первый бургомистр в очередной раз пошел проторенной дорожкой — по старым проверенным связям. Он обратился с ходатайством к монарху через генерал-прокурора князя Алексея Куракина. Прошение включало, как нынче принято говорить, пакет законодательных инициатив. Кесоглу просил: 1) передать питейный откуп и поступления от оно́го в ведение Магистрата; 2) подтвердить льготы, дарованные иностранным поселенцам екатерининским указом от 15 апреля 1795 года; 3) даровать Одессе статус порто-франко; 4) учредить банк, ссужающий предпринимателей под залог недвижимости и товаров; 5) передать городу один из казенных домов для размещения в нем Магистрата и полиции; 6) даровать Одессе герб. Последний пункт на самом деле чрезвычайно важен, он означает, что едва народившийся город как бы легализуется, что теперь его невозможно будет походя потерять, зачеркнуть. В целом же предложения Кесоглу без преувеличения характеризуют его как талантливого, прозорливого, энергичного деятеля государственного масштаба.

Более того: это была стратегическая программа, шаг за шагом решавшаяся городской и краевой администрацией на протяжении следующих десятилетий. Если ходатайства Кесоглу повлекли за собой лишь дарование герба, доходов от винного откупа и одного казенного дома, то при Ришелье был учрежден заемный банк, а при Ланжероне оформлен статус порто-франко. Кстати, Магистрату Одессы в 1798 году официально не отказали и в других просьбах, но оставили некоторые временно без рассмотрения, а иные предположили к дальнейшему исполнению. Таким образом, Кесоглу без всякого преувеличения справедливо считать первым и главным идеологом одесского проекта. При этом полагаю, он здорово раскошелился для его реализации. Мне скажут, первый бургомистр надеялся в дальнейшем сполна компенсировать свои затраты. Что ж, а который из серьезных предпринимателей не ищет собственной выгоды? Вы знаете таких? Это тем более извинительно, что благополучие Кесоглу, как и всех первых поселенцев, определялось благополучием Одессы.

Афанасий Васильевич еще успел порадоваться первым плодам своих дипломатических усилий: центральным событием года стало торжественное освящение 1 сентября дарованного городу герба с императорским орлом в верхнем поле и якорем-кошкой в нижнем. В городскую церковь его вынесли из дома откупщика Дофине, на углу Ришельевской и Греческой улиц, откуда магистрат и биржа вскоре перебрались в подаренный городу

казенный дом, на углу будущих улиц Полицейской и Преображенской. Герб был написан по доске высотой в полтора аршина, то есть более метра, с четырех сторон изображение сопровождалось надписями "герб города Одессы", по-русски, по-гречески, по-итальянски и по-немецки. В приходскую церковь его несли два члена Магистрата, за которыми следовала процессия горожан во главе с комендантом (шефом Ладожского мушкетерского полка), шефом другого квартирующего здесь полка, полицмейстером, командиром флотской береговой команды, бургомистрами.

Поскольку сооружение храмов было в тот период законсервировано, временную Свято-Николаевскую (с 18 февраля 1800 года по указу от 4 августа 1799-го — соборную) церковь еще ранее оборудовали близ перекрестка Полицейской и Ришельевской улиц — здесь и проходила церемония освящения. Прозвучало подобающее случаю слово приходского протоиерея Симеона Жижеленкова, поздравление от коменданта, после чего герб возвратили в Магистрат, избранные "отбыли в назначенное к беседованию пристойное зало", "а граждане разных наций с усерднейшего своего о сем Выскомонаршем благоволении радования чрез весь день торжествовали". Выпивали, надо полагать, изрядно, в особенности по поводу передачи городу питейных доходов.

После этого Кесоглу в очередной раз отправился в столицу пробивать узаконение прав одесского Магистрата по образцу прибалтийских и вернулся в конце года с добрыми вестями — по крайней мере, был запущен бюрократический механизм подготовки и легализации соответствующих постановлений. Как уже говорилось, первый бургомистр скончался 6 января 1799 года, мне приходилось читать даже о том, что смерть его будто бы была насильственной. Это не так: как видно из архивных документов, духовное завещание составлено им 27 декабря 1798 года, то есть за десять дней до кончины, наверняка по случаю тяжелой болезни, сразившей его в утомительной дороге.

Тут, однако, вышла та неприятность, что Кассандре Ивановне еще пришлось доказывать свои права наследницы, ведь никаких метрических свидетельств о заключении брака и рождении совместных с Афанасием Васильевичем детей у нее, как и у большинства греческих переселенцев, на руках не было. В таких случаях практиковался сбор, так сказать, свидетельских показаний от авторитетных горожан. Таковые показания и дали известные пионеры-одесситы: Марангопуло, Лале, Трано, Флогаити, Рафтопуло, Дранчев, Ангелатто и др. В частности, 24 марта 1799 года они сообщили о венчании "в Константинополе лет за 15 до сего", то есть около

1784 года. Подтвердили рождение в этом браке дочери Александры 14-ти лет, Марины (Марии, Марьяны, Марвиоры) 10-ти лет и сына Скарлатия 8-ми лет. О сыне Кесоглу я пока не имею достоверной информации (в 1810-1820-х в Одессе известен купец 1-й гильдии Хаджи Димитрий Кесоглу, возможно, родственник), а вот судьбы дочерей, в замужестве соответственно Попандопуло и Дембровской, прослеживаются довольно отчетливо, но это тема другого очерка.

Необходимое свидетельство Кассандре Ивановне выдали, но вскоре ей пришлось расхлебывать заварившуюся кашу о злоупотреблениях покойного супруга, к которым она и сама, получается, была причастна. Как вы помните, на ее имение в Тираспольском уезде наложили запрет и, по идее, должны были конфисковать в казну для покрытия катастрофического долга — 19.300 рублей. Но ничего подобного не произошло. Как демонстрируют более поздние архивные документы, она не потеряла ни это имение, ни городскую недвижимость, свободно распоряжалась всем недвижимым имуществом, продавая прежнее и приобретая новое. Так, в 1805 году она как тираспольская помещица затеяла тяжбу с купцом-подрядчиком Василием Ефремовым из Великих Лук, каковой не выполнял условий по найму у нее трактира. В декабре 1807 года Кассандра Ивановна купила на аукционном торге в одесской полиции сразу два дома — возле Старого базара, в Базарном переулке, против тыльной стороны дома купца Черепенникова, и по Греческой улице, меж Красным переулком и Екатерининской улицей. Второй из этих домов она не позднее 1810 года подарила или завещала своей младшей дочери Марине Афанасьевне, в замужестве Дембровской.

Все это может означать, что вина покойного греческого попечителя не была доказана, в противном случае имущество его семьи непременно ушло бы с молотка. Казенные средства, признанные похищенными, недобросовестно потраченными и т. п., в обязательном порядке подлежали возврату за счет провинившихся ли или их наследников, подобные "компенсационные дела" порой тянулись десятилетиями, до победного конца. Другими словами, воссозданный А. Орловым сюжет о злоупотреблениях Кесоглу не включает в себя развязки, финала, где были бы расставлены все точки над *i*. Именно по этой причине все разговоры об аферах де Рибаса, Кесоглу и других основателей Одессы за официальной недоказанностью остаются всего-навсего разговорами, подозрениями, предположениями.

Что до Иностранного магистрата, он, с подачи Кесоглу, продолжил свою созидательную деятельность под началом второго бургомистра, Ивана Дестуни, который довел до ума несколько важных проектов, иницииро-

ванных его предшественником. То был не менее трудный этап становления города, осложненный неурожаем, нашествием саранчи, землетрясением, военными действиями в Архипелаге, подрубившими под корень морскую торговлю и отвлекшими гуманитарные ресурсы — скажем, российских офицеров греческого происхождения и не только. Именно тогда "заботливые купцы" воспользовались протектированием сменивших Куракина на посту генерал-прокурора Лопухина и Беклешева, изобрели элегантную взятку апельсинами. Между прочим, за 3.000 апельсинов были заплачены магистратские, то есть общественные, деньги. В числе лиц, подписавших прилагавшееся к посылке письмо на высочайшее имя, мы видим уже и авторитетных российских купцов — Евтея Кленова и Семена Андросова. В итоге, как известно, тронутый подношением монарх распорядился предоставить Одессе просимую ссуду в 250.000 рублей сроком на 14 лет для отстройки гавани, передать городу все заготовленные прежде с этой целью казенные стройматериалы, пролонгировать все дарованные прежде льготы на те же 14 лет, до уплаты казенного долга, работы по устройству гавани завершить максимум в четыре года под надзором князя Гагарина.

Это было, как принято говорить, судьбоносное для Одессы постановление, открывшее юному городу и порту дорогу к дальнейшей позитивной эволюции, к короне мирового хлебного экспортера. 8 мая 1800 года в заседании Магистрата была создана структура, впоследствии непосредственно занимавшаяся градостроительством в широком смысле этого слова — Комитет (Комиссия) для отстройки одесской гавани, фактически предшественник будущего Одесского строительного комитета. В его составе мы в очередной раз находим лиц, облагодетельствованных покойным Кесоглу, скажем, смотрителя работ Константина Бицилли, отставного флотского офицера, первого командира одесского Греческого дивизиона, в данный момент надворного советника.

Хотя со сменой верховной власти на место Иностранного магистрата по указу от 9 апреля 1801 года вскоре пришла более традиционная для империи магистратская структура, люди и идеология оставались прежними, а город и впредь продолжал получать всевозможные льготы (например, десятую часть таможенных сборов на содержание порта в исправности), способствовавшие его дальнейшему становлению. И что бы там ни говорили о Кесоглу, я допускаю, что без его личной заинтересованности, всестороннего бурливого участия в судьбе города-младенца, пути Одессы могли оказаться действительно неисповедимыми.

Послесловие для любопытствующих. Греческого попечителя похоронили возле недостроенной греческой церкви на будущей Арнаутской Слободке. Судьба этого захоронения прослежена нами по ретроспективным СМИ. "Теперь не осталось здесь никаких следов церкви первых поселенцев одесских. Небольшой каменный памятник, воздвигнутый над могилою подполковника Кесоглу в одной из здешних улиц, за несколько лет перед сим разрушился и исчез совершенно" (1835). "Рабочие, копавшие на Мало-Арнаутской улице к Канатной водопроводную канаву, на довольно значительной глубине, нашли в одном месте уцелевший склеп, в котором сохранился гроб и кости. По уверениям старожилов, на этом месте стояла некогда часовня; другие же уверяют, что там было некогда кладбище. Склеп находится под надзором полиции" (1876). Исходя из последнего обстоятельства, можно наверняка говорить о том, что останки Кесоглу были перезахоронены на Старом кладбище, то есть на территории нынешнего Преображенского парка. Дело в том, что даже при выявлении человеческих останков, не поддающихся идентификации, их подвергали перезахоронению на городском кладбище под контролем градоначальника, в присутствии медицинских и полицейских чиновников.

